

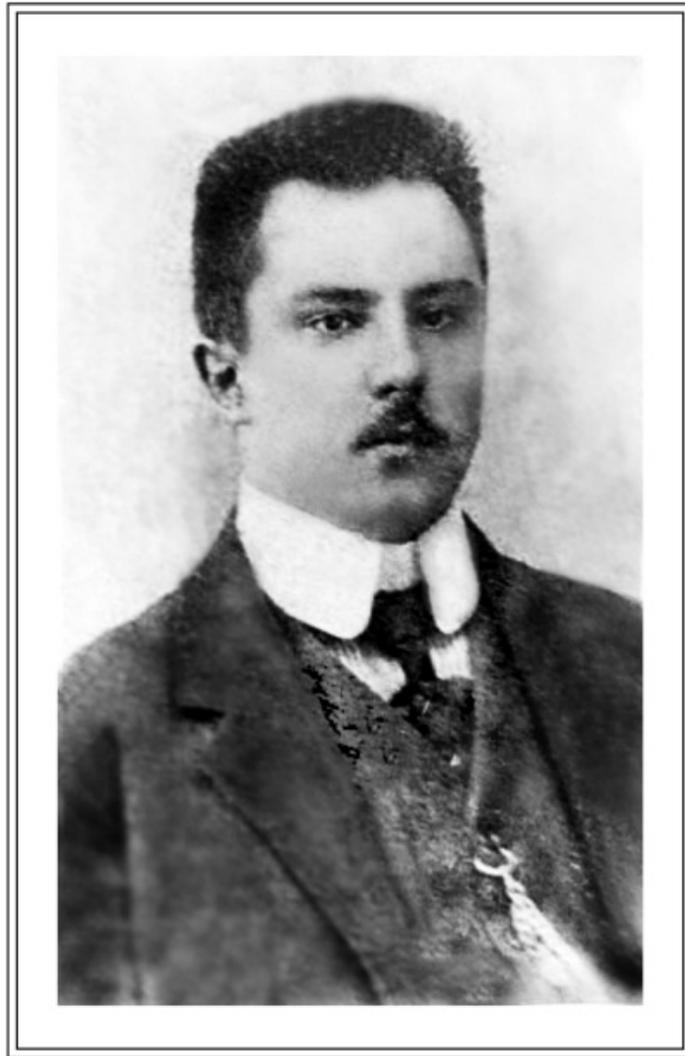
СВЯЩЕННАЯ
КНИГА ТОТА
ВЕЛИКИЕ
АРКАНЫ ТАРО

Абсолютные начала
синтетической философии эзотеризма

Опыт комментария
ВЛАДИМИРА ШМАКОВА

СОФІЯ

СВЯЩЕННАЯ КНИГА ТОТА

ВЕЛИКИЕ АРКАНЫ ТАРО

Абсолютные начала синтетической философии
эзотеризма

Опыт комментария
ВЛАДИМИРА ШМАКОВА

«СОФИЯ» 2021

Информация от издательства

Шмаков Владимир

Священная Книга Тота: Великие Арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2021.

ISBN 978-5-906791-18-4

«Великие Арканы Таро» — универсальный свод первооснов герметизма, «вершина воспарений испытующего человеческого духа», «знание ангельское», поистине «мать всех наук» — сама наука «О БОГЕ, ЧЕЛОВЕКЕ И ВСЕЛЕННОЙ».

Золотым слитком — эстафетой поколений в их исторической цепи, восходящей в своих бездонных глубинах «к самому Адаму», — передал эту науку человечеству нового тысячелетия наш великий соотечественник: *Владимир Шмаков*.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

© ООО Книжное издательство «София», 2015

Предисловие

«Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermosura
Brujuleada entre los lejos
De lo Imposible?!»¹

Calderon [1]

«Я не в силах перечислить те ночи, которые, весь дрожа, отдавал познанию Непознаваемого».

Саади [2]

«Если бы Бог предложил мне на выбор в правой руке всю истину, а в левой — единое вечное стремление к истине, соединенное с постоянными заблуждениями, я рассудил бы, что истина как таковая — достояние одного только Бога, и почтительно попросил бы Его отдать мне то, что в Его левой руке».

Лессинг

От автора.

I. Учение герметизма и современная наука

«Я не боюсь людей, ибо не жду и не желаю от них ничего».

А. Сент-Ив д'Альвейдр [3]

Культура конца XIX века, ее характер и первенствующие стремления суть следствия усилий и исканий человеческого рода за последние восемь-девять столетий. Крестовые походы и рост императорской власти положили предел теократическому направлению жизни Европы, явившись заключительным актом эпохи, когда все зиждилось на исключительном стремлении к религиозным идеалам. Первые гуманисты, начиная с Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, положили основание новой эре, воздвигнув новое знамя, выявив и указав новую цель человеческим стремлениям [4]. Круг друзей Козимо и Лоренцо Медичи, восприняв идеи Петрарки и Боккаччо, выработал начала мировоззрения, предначертывавшего весь последующий ход

мировой истории. Осознав бесплодность метафизических изысканий, если и поскольку они не связаны с данными эмпирического опыта, гуманисты положили своим девизом изучение в первую очередь всего того, что доступно эмпирическому исследованию. Время расцвета гуманизма и успеха Реформации есть начало современной науки, ибо все то, что составляет гордость технической культуры, было достигнуто человеком лишь начиная с XV века. Именно с этой поры все усилия человеческого рода всецело направились к изучению *отдельных* явлений, к исследованию *отдельных* вопросов и к созиданию *отдельных* отраслей человеческого знания [5].

Так продолжалось до конца XVIII столетия, когда произошел великий перелом истории: от изучения *единичных* вещей человек перешел к стремлению познать их *синтез*, и век энциклопедистов² в преемственной их связи со столпами эмпирической философии есть эпоха созидания человечеством синтеза всего познанного на пути предыдущих веков.

Однако, столь долго следуя исключительно опытным путем, основываясь лишь на внешней, формальной стороне явлений, разум человеческий и теперь, естественно, стал искать синтез *в том же модусе сознания*, стремясь найти *эмпирический синтез*, т. е. непосредственно ощущаемую первооснову. В качестве таковой была избрана *материя*, и соответствующее учение, обобщаемое со всеми различными его частными течениями, есть то, что известно под наименованием «*материализм*».

XIX век — это эпоха, когда человек стремился утвердить свой гипотетический синтез, стремился выявить его во всей полноте, претворить в реальность и связать со всеми дифференциальными деталями. Этот век есть в действительности лишь заключительный аккорд долгого пути; именно в течение его человеческие искания вылились во вполне определенную форму, достигли, казалось, конечных ступеней своего развития. Настало время, когда, по всецело господствовавшему мнению, оставалось сделать лишь

последние заключительные штрихи, чтобы вполне закончить величественный Храм Знания [6]. Это было грустное время, потому что *само знание человека начало давить его*. Все было так ясно, так определено, что вся будущая жизнь людей должна была, казалось, быть посвящена лишь скрупулезному анализу давно известных фактов. Отдельные открытия, изученные законы и вполне достоверные гипотезы так слились между собою, так проникли взаимно друг друга, образовали столь совершенно замкнутое целое, что в будущем нечего было ждать сколько-нибудь значительных открытий. Большинство представителей почти всех отдельных отраслей знания человеческого открыто признавало, что век великих, гениальных открытий кончен, что будущее истории науки будет лишено ярких красок, что оно будет представлять собой лишь гигантскую совокупность тщательнейших повторных опытов и детальных исследований. Дух живой отлетел от людей, жизнь потеряла всякую ценность, ибо хотя грандиозный успех позитивной науки и техники и давал все удобства жизни, но всем высшим запросам человеческого существа вовсе не оставалось места. Все, что есть в человеке чистого, высокого и прекрасного, этой культурой совершенно *игнорировалось*, за ним отрицалась всякая реальность, всякая субстанциальная ценность, и лишь в лучшем случае *терпелось*, как забава и отдых на различных «фабриках удовольствий» [7]. Идеалов не стало, ибо отрицалась сама возможность чего-либо выше самой жизни. Тождественность природы синтеза с единичными явлениями породила коллективизм и им подменила синтез; не только индивидуальность, но и личность исчезла; воцарилось царство толпы — этого естественного образа материального синтеза, пародии Синтеза Истинного [8].

Несмотря на пышность формы созданного им знания, человек, тем не менее, непрестанно наталкивался на противоречия. Он не только отвергал как иллюзию даже реальность собственного самосознания, но и чувствовал, вместе с тем, что все его знание навеки бессильно дать ответ на какой-либо вопрос, едва лишь он касается *сущности явлений*.

Человечество выстроило грандиозное здание на песке, на раздробленных единичных сведениях, не связанных между собой, оно приняло за основание мир явлений, забыв, что все части его вечно перемещаются по отношению друг к другу. Вот почему, когда извне сферы эмпирического опыта, из глубин духа человеческого последовал удар, все величественное здание должно было пасть, смытое волнами, хлынувшими из внесознательной стороны человеческого существа [9]. Выявив все следствия из начальных постулатов, но не сумев сразу создать истинный синтез, человек даже не попытался подвергнуть анализу сами эти постулаты, уходя от решения вопроса или попросту откровенно сознаваясь в своей бессилии. *«Все известно, все объяснено, все следует одно из другого, но все одинаково непонятно»* — вот лозунг отшедшей эпохи.

Начало XX века — это кардинальный переворот во всех отраслях человеческой мысли. Родилось непоколебимое стремление к анализу конечных причин, подверглись изучению все те первоосновы, все те постулаты, на которых зиждилась наука в продолжение стольких веков. Если периодическая таблица Менделеева перевела химию в совершенно иную, несравненно более высокую плоскость, если внешнее родство элементов стало невольно наталкивать человеческую мысль к заключению о единстве природы, то открытие радия нанесло смертельный удар всем прежним космологическим гипотезам, бывшим дотоле столь убедительными. И вот, в течение каких-нибудь двадцати-тридцати последних лет, за срок совершенно ничтожный в привычном масштабе истории, все основы науки пошатнулись в самых корнях своих. Если время и пространство, эти основные модусы мышления, были поколеблены Кантом, Шопенгауэром, Лобачевским и Риманом, то открытие принципа относительности Эйнштейном [10] и теория М. Аксенова и Германа Минковского [11] окончательно показали нелепость приписывания общепринятым на них воззрениям хотя бы доли реальности. Принцип относительности сделал невозможным сам подступ к учению о пространственности и протяжении во времени как о первичных категориях вселенной,

а вместе с электромагнитной теорией света Максвелла он окончательно уничтожил гипотезу об эфире [12]. Благодаря открытию радия, ознаменовавшему возможность дематериализации материи, материя в ее прежнем понимании утратила субстанциальность своего бытия и претворилась лишь в кристаллизованную энергию [13]. Учение об энергии пытались одно время использовать в качестве обоснования материалистических воззрений, но закон энтропии, в связи с бесконечностью вселенной во времени, своей собственной силой логически делает невозможным само ее существование [14]. Таким образом, у **величественного здания материалистической науки XIX века, бывшего еще совсем недавно, казалось, почти законченным, теперь выбиты все основания** [15].

«В настоящее время мы вновь переживаем период ломки старого научного здания, но такой ломки, которой не знает история науки и которая по обширности и основательности далеко превосходит все прежние, все, которые были нами приведены в виде примеров. Эта ломка, этот неслыханный по своей грандиозности научный переворот замечателен прежде всего тем, что он почти одинаково затрагивает все отделы физики. Ни одна из частей великого научного здания, сооруженного работой нескольких столетий, не остается в прежнем своем виде; все они до основания разрушаются, вся физика заменяется новой. Но это еще не все. Разрушается не только наука, составляющая достояние сравнительно немногих, но в самом корне переиначиваются наиболее основные, элементарнейшие представления обыденной жизни, с которыми мы свыклись с малолетства, которые казались не подлежащими никакой критике, никакому сомнению. Разрушаются даже такие истины, которые никогда и никем не высказывались, не подчеркивались, поскольку они казались самоочевидными и поскольку ими бессознательно пользовались все и каждый, полагая их в основу всевозможных рассуждений» [16].

Наступающая эпоха бесконечно разнится от минувшей; она есть время перелома, подведения итогов, поиска новых путей, выявления новых целей. Все виды мышления, все отрасли науки испытали полный внутренний переворот, они изменились настолько, что с прошлым их подчас связывает одно лишь название. Для тех, кого эти новые идеи никак не затрагивают, этот великий перелом всемирной истории проходит бесследно, но это не значит, что он иллюзорен, ибо перевороту в сущности соответствует и переворот в форме. Развитие средств сообщения, безудержная урбанизация, воцаряющаяся и все более наглядная общность форм жизни в различных государствах, уменьшение значения границ, попытки создания международного языка, интернациональность целого ряда организаций, обезличение властей, как центральных, так и местных, — все это является низшим, внешним отражением духовного стремления человечества к синтезу, к разрушению единичных форм. Великая война, заливающая мир океаном крови, сметающая народы и изменяющая всю жизнь на земле, есть лишь слабый отзвук той великой борьбы, которая происходит в сознании вселенского человечества, при столкновении двух великих, бесконечно по своей сути разнствующим эпох.

«По закону разделения исторического труда один и тот же культурный тип, одни и те же народы не могут осуществить двух мировых идей, сделать два исторических дела, и если западная цивилизация имела своею задачей, своим мировым назначением осуществить отрицательный переход от религиозного прошлого к религиозному будущему, то положить начало самому этому религиозному будущему суждено другой исторической силе» [\[17\]](#).

Наше время — это сближение того, что еще так недавно казалось совершенно противоположным, навеки разделенным непримиримостью противоречий. Наука и религия, столь долго имевшие лишь потенциальную связь через философию, теперь

все больше сходятся между собой и с удивлением констатируют единство мировоззрений. Как в области позитивных исканий разум стал уходить вглубь, в искание синтеза, так и в религиозной сфере люди стали уходить в мистицизм, в сокровенную сущность религиозных учений. Конечный синтез не может не быть единым, а потому конечный мистицизм и конечный научный синтез оказываются неразрывно взаимосвязанными; оба они выливаются в абсолютное учение, которое при различном его преломлении разумом научным и разумом религиозным на самом деле едино.

«Тайны природы, — говорит Иерофант Фракии, — те же, что и тайны религии, и может существовать лишь единое учение, ибо существует лишь единый принцип тварных существ»~. Мы чувствуем импульсом нашего гения, что познание — удел человека, его призвание, но он должен также читать природу и отличительные свойства тварных существ по их оболочкам. Умение распознавать эти знаки составляет первую ступень науки; выявление их сходства с природой — вторая ее ступень; но прозревать саму суть существ сквозь оболочки — последняя ступень, доступная лишь немногим. Только тот, кто достиг ее, обретает могущество и в словах, и в делах...» [18].

Раскол между религией и наукой, основание которому было положено гуманистами, достиг высшего своего расцвета в конце XIX века; именно в это время позитивизм и мистицизм стали противоположными полюсами человеческого мышления, не только объявившими войну друг другу, но и начавшими вовсе друг друга игнорировать, что и является, конечно, высочайшей степенью непримиримости.

Единство конечной истины не может не выливаться в итоговую единообразность ведущих к ней путей; при всей многообразности отдельных форм вся их совокупность не может не быть проникнута внутренним единством, сказывающимся в стройности и гармоничности совокупной

системы всех частных путей и подходов. Позитивизм и мистицизм в максимальных пределах своего развития приводят нас к познанию двух сторон человеческого духа, двух способов его самоутверждения. Как тот, так и другой — в своей истинной природе представляют собой осуществление основного стремления духа человеческого — познать себя — как в сущности, так и в закономерности своей дифференцированной природы. Будучи в этом аспекте сознания тождественными, в другом аспекте они противоположны.

Позитивизм есть стремление человеческого духа достичь полноты самосознания в синтезе дифференциальной природы, выявленном накоплением опыта в мире явлений. В силу этого внешняя форма позитивного познания всегда объективна, т. е., иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность выводимых с его помощью умозаключений всегда проистекает из его ближайшего основания — истины внешней — **мира явлений**. В полную противоположность этому *мистицизм есть стремление человеческого духа сознать себя в синтезе дифференциальной природы, выявленном путем внутреннего опыта, т. е. последовательным отождествлением отдельных аспектов своего Я с явлениями внешнего мира и утверждением последних как феноменов, проистекающих из ноуменального духа и посему имеющих лишь иллюзорное бытие по закону среды.* В силу этого внешняя форма мистического познания всегда адекватна, т. е., иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем — всегда проистекает из его ближайшего основания — истины внутренней — из непосредственного **самосознания духа**. Оба вида самосознания взаимно дополняют и утверждают друг друга; в отдельности каждый из них имеет лишь относительную свободу, ибо сознание духа в своем развитии в двух взаимосвязанных соответствующих аспектах стремится быть параллельным и допускает лишь дифференциально малые колебания. Совершенный человек должен одинаково следовать по обоим путям, совмещая их в полной гармонии. Истинный Маг одинаково всеведущ как

в области мистики, так и в области позитивных знаний, и именно совмещение этих двух течений человеческой мысли есть признак, определяющий само понятие о Маге [19]. Будучи в своей истинной природе неразрывными, позитивизм и мистицизм в лице своих представителей через обоюдное непонимание разошлись между собой. В сущности, это расхождение было только видимым, иллюзорным, ибо от человека не зависит сущность явлений, и он может изменять лишь их обозначения. Уйдя целиком во внешнюю форму этих основных течений человеческой мысли и не желая не только воспринимать, но и даже слышать учения из иного источника, представители позитивизма и мистицизма породили каждый в своей собственной среде разделение вполне подобное тому, которое утверждает позитивизм и мистицизм в области самого духа.

Виднейшие представители позитивной науки не могли не чувствовать мистического пути, но эти свои переживания они или вовсе скрывали, или оставляли в неразработанной форме; таковы, например, Ньютон, Паскаль, Кеплер, Декарт и многие другие. «Лишь малое знание удаляет от Бога, большое вновь приближает к Нему», — сказал первый из них, и этим запечатлел тот общеизвестный исторический факт, что все великие люди науки и истории были людьми верующими. Эти гиганты позитивной мысли представляют собой *мистический полюс позитивизма*.

Второстепенные работники в области позитивных наук сплошь да рядом запутывались в грандиозности и многообразии мира явлений и забывали среди этого многообразия даже о своем собственном ищущем духе. Если титаны науки, во всеоружии знания, стремились подняться к нему, то ее ремесленники порой начинали видеть небо там, где заканчивалась чувствительность их измерительных приборов. Они не поняли природу синтеза, воспринимаемого чрез беспрестанное увеличение глубины понятий и переход к высшему по аналогии, без нарушения природы категорий, они сочли за синтез *суммарность*, они определили его как агрегат

единичных законов. Сюда относятся представители квазирационалистических школ материализма и атеизма, как, например, Бюхнер [20], Геккель [21], Штраус [22] и другие; в своей совокупности они и представляют *позитивный полюс позитивизма*.

Истинные носители знамени мистицизма, познававшие мир непосредственным духовным сознанием, истории неизвестны. Их величие и истинная жизнь раскрываются лишь из эзотерических преданий и символов, из того несказуемого обаяния, которое распространялось от этих адептов на все человечество — как в современную им эпоху, так и на пути последующих веков; таковы неведомые Мудрецы Гималаев и таинственные Иерофанты Египта. Мы не знаем их собственной жизни, их собственных стремлений и достижений, но по грандиозности их светоносного влияния на человечество мы можем мысленно представить себе всю необъятность их собственного величия. Они жили вне жизни и над жизнью, но ничто не проходило без их таинственного влияния, — влияния тех, кто вполне постиг великий дар незримого управления умственной жизнью человечества могуществом и ослепительным блеском возвещенных ими скрижалей Вечной Правды. Эти истинные адепты мистицизма представляют его *положительный полюс*.

Подобно позитивизму, среди мистиков последних веков огромное большинство всецело погрузилось в мир явлений. Но, несмотря на то, что предмет обоих методов изучения один и тот же, позитивисты позитивизма и позитивисты мистицизма подходили к нему под разными углами зрения. ~Зная дух и всеобъемлемость его царствования~, мистики не смогли всецело увлечься формами и явлениями, но вместе с тем они подчас невольно забывали свою конечную цель, полностью уходя в разработку конкретных вопросов. Следуя путем дедукции, мистики переходили к изучению дифференциальной природы и при этом настолько ею увлекались, что их исследования теряли всякую связь с синтезом, так что со временем сами исследователи стали вполне подобны узким

позитивистам. Сюда относится громадное большинство как средневековых, так и современных мистиков; в своей совокупности они и представляют собой *отрицательный полюс мистицизма*.

Резюмируя изложенное, мы видим, что представители эволюционирующей человеческой мысли разделились на четыре большие группы, образованные самостоятельной поляризацией как позитивизма, так и мистицизма. Низшей группой являются представители позитивного позитивизма, затем следует мистический позитивизм, потом позитивный мистицизм и, наконец, мистический мистицизм.

Представители позитивного позитивизма потерпели полное фиаско силою самого хода эволюции позитивной науки, как мы это показали в начале настоящего предисловия. Можно сказать, что эта группа принадлежит прошлому и в нынешние времена полностью исчезла, в чем сомневаться может лишь тот, до чьих ушей не дошли величайшие открытия человеческого гения за последнюю четверть века. Школа позитивного мистицизма открыто стала провозглашать то, что еще так недавно осмеивалось самовлюбленным невежеством. Соединив в себе весь опыт позитивных изысканий человечества, эта школа, вместе с тем, идет полным ходом к слиянию с адептами мистицизма. Целый ряд известных ученых был одной лишь логикой своих опытов приведен к удостоверению в реальности весьма и весьма многого из сферы мистики; таковы, например, Крукс, Рассел Уемес~ и Мариан в Англии, Карл Дюпрель и Цельнер в Германии, Эдланд и Турнебон в Швеции, Ломброзо и Киайя в Италии, Фламарион, де Роша и Густав Лебон во Франции и многие другие. Если Крукс со своей Кэтти Кинг еще мог быть осмеян за то, что при свете позитивного знания открыто рискнул коснуться области Неведомого, то ныне такие блестящие представители науки, как Резерфорд, Вильям Рамзай~ [23] и Содди, открыто занимаются исследованием превращений химических элементов и самой дематериализации материи, т. е. исполнением заветной мечты

алхимиков, окруженные в ученом мире почтительным молчанием нынешних представителей позитивизма.

«Следует подчеркнуть, что духовный мир культурного человека ныне отделяется от его научного кругозора; и как в былое время рамки религиозной догматики были слишком узки для вмещения человеческого знания, так ныне догматика научного материализма слишком тесна для вмещения всех чувств и потребностей человека. Следовательно, как религиозные данные претерпевали изменения и вытеснялись, чтобы дать место открытиям геологии или астрономии, так и ныне заключения материалистической науки претерпевают изменения и вытесняются, чтобы дать место таким чувствам и стремлениям, игнорировать которые уже попросту невозможно» [\[24\]](#).

Если позитивный позитивизм уже окончательно выполнил свою задачу и потому ушел в царство теней, то мистический позитивизм еще сохраняет жизненность, заканчивая свою миссию, однако и его дни уже сочтены. Мистицизм средних и новых веков в Европе вылился в совершенно особую форму, присущую лишь ему одному и резко отличающую его от мистицизма древнего мира. Первое, что прежде всего бросается в глаза, — это отсутствие самодовлеющей философии. Если история древности есть история философских систем, то, наоборот, весь европейский мистицизм проникнут привязанностью к семитической космогонии, поистине достойной лучшей участи. Европейским мистицизмом не было создано ничего самобытного, как и того, что хоть сколько-нибудь относилось бы к миру причин. Он не только забыл всю многокрасочность древних эзотерических учений, но даже потерял память о философско-религиозных системах Индии, дойдя до полного игнорирования всего, что не заключалось в *гебраистском мистицизме* [\[25\]](#). Все усилия средневековых и новейших мистиков сводились к разработке конкретных

вопросов, единичных теорий, но и эти изыскания они неведомо зачем покрывали столь густым покровом эзотеризма, что воистину можно сказать — легче самому воссоздать любую из мистических теорий, чем дешифровать многотомные и туманные фолианты новейших мистиков [26].

При сравнении дошедших до нас письменных памятников древнего мистицизма, хотя бы индийских Пуран и Упанишад, с темными хитросплетениями Парацельса, Постеля, Эттейлы и других невольно бросается в глаза, что в то время как древность гласит как живой глагол, власть имеющий, так, наоборот, у новейших мистиков дух живой давно отлетел. Трепетно жаждавший конечной и абсолютной Истины, древний индус уходил в недра своего чистого духа, сокращал все свое существо в единый волевой синтез, забывал свою личность и на могучих крыльях гордого самосознания своего Я воспарял в безбрежный океан Единого Вселенского Духа, грезящего о Своей Майе, вечно изменчивой, вечно трепещущей совокупности бесконечных свойств, потенциальных форм — различных модусов Его Самосознания. Индус отвергал все, он искал одну лишь Реальность, он стремился к ней — и он ее находил! Древний индус, как и древний египтянин, своим духом плавал в вечности, он наслаждался счастьем предвосхищения конечного достоинства Божественного Совершенного Человека, себя во всем сознавшего, себя во всем утвердившего, от всего отрекшегося, погрузившегося в Ничто и ставшего Всем. Индусы и египтяне любили науку, но их знание было самой жизнью; отвергая форму в принципе, они умели реализовать свои воззрения и могучим духом своим свели ее в иллюзию совершенную. Их наука, их знание были оплотом свободы, они наполняли их дух великим простором, давали ключ к реальным законам, давали реальную власть.

«Даже самая возвышенная философия европейцев, идеализм разума³, выдвинутый греческими философами, кажется в сравнении с обильным светом и силой восточного идеализма какой-то маленькой Прометеевой искрой, слабой,

дрожащей и всегда готовой погаснуть среди целого наводнения божественного сияния полуденного солнца» [27].

«Веданте принадлежит особое, единственное место между системами философии всего мира. Возвысив “Себя” человека, или истинную природу Его, Веданта связывает его с Сущностью Божества, Которое безусловно Непорочно, Совершенно, Бессмертно, Неизменно и Одно. Ни один философ, ни даже Платон, Спиноза, Кант, Гегель или Шопенгауэр — не достигли такой высоты философской мысли. ...Ни один из философов, не исключая Гераклита, Платона, Канта или Гегеля, не отважился воздвигнуть такой высокий монумент, на вершине которого уже не страшны ни бури, ни молнии. Камень следует там за камнем в строгой последовательности, после того как однажды был сделан первый шаг, после того как однажды ясно было усмотрено, что вначале мог быть только Один, подобно тому, как и в конце будет только Один, назовем ли мы Его Атманом или Брахманом⁴» [28].

«Нет ничего более возвышенного и благодетельного для человечества, чем изучение Упанишад. Они были утешением в моей жизни и будут утешением в моей смерти» [29].

Египет и Индия — заветная цель исканий служителей Истины на пути столетий веков — вновь восстают пред нашими взорами и к нам приближаются. Наступает время нового великого перелома мировой истории, и кто знает — быть может, некоторые из нас и доживут до него. Новые мистические учения возродили всеобщий интерес к древности, и семя, посеянное Рамакришной и Еленой Петровной Блаватской, готовится в недалеком будущем дать свой плод. Близится час, когда древняя наука возродится под новым небом, — с новой, еще невиданной мощью.

«Придет время, когда потомки наши будут удивляться, что мы не знали того, что так ясно» [30].

Через тьму веков, как в древней стране Кеми и долине Пенджаба, светит нам Памятник давно минувшего. И как гордая страна Ра и пирамид получила этот великий дар в наследство от выходцев с Посейдона — последнего остатка волшебной Атлантиды, как о том свидетельствует Платон, — так и мы, чрез сотни веков, приемлем этот дивный светоч мудрости из той же древней страны Златовратого Града. Жалкие потомки великой Атлантиды, вечно мятущиеся и ничего не могущие найти, гонимые отовсюду, всеми презираемые и всех заставляющие трепетать своею песней, тоскующие о покое, но не ведающие его в жизни своей, — цыгане, — сохранили в среде своей этот великий Памятник родины Элаквиота Муретара в виде колоды игральных карт, карт гадальных...

«Существует еще и другая книга, но, несмотря на то, что она в некотором отношении весьма популярна и ее можно найти повсюду, она остается самой таинственной и самой неведомой из всех, потому что она содержит в себе ключ ко всем другим; она обнародована, но остается народу неизвестной, никто не задумывается искать ее там, где она есть, и вместе с тем всякий тысячу раз потерял бы время, ища ее там, где ее нет, если бы заподозрил ее существование. Эта книга, более древняя, может быть, чем Книга Еноха, никогда не была переведена, она еще целиком написана первобытными знаками, подобно табличкам древних» [31].

Тысячелетия назад этот великий Памятник был запечатлен в символах, выгравированных на камне в нишах, разделенных колоннами, в галерее Арканов, где неофит проходил свое посвящение и которая, по преданию, и поныне существует в неприкосновенном виде посреди пути между Сфинксом и Великой пирамидой Гизе. Река времен, в своем течении, снесла высеченное из гранита и порфира великолепие края

фараонов. Все погребло, но знание его мудрецов пережило его, и вот теперь бессмертные символы восстают пред взором нашим в виде орудия забавы людской! Истинное величие не нуждается в мишурном блеске; порфиры превратились в пыль, — но вещие образы мудрости сохранились нерушимо, и даже в этом жалком виде своем они еще более велики — велики бесконечно!

Цель предпринятого мной труда — восстановить древнее как мир синтетическое знание, Священную Герметическую Науку. Излагая верховное учение, я немногими штрихами очерчивал попутно его отдельные доктрины, его отдельные звенья. В то же время, полагая достижение синтеза своей главной задачей, я не мог изложить эти доктрины хоть сколько-нибудь исчерпывающим образом, вывести из них все следствия, доказать каждое отдельное положение; я ограничился лишь иллюстрациями — ссылками на аналогичные мысли различных людей, различных эпох и различных народов; в своей совокупности они и выявляют основную доктрину моего труда — незыблемость и непреложность истины на пути веков, а потому и ее абсолютность.

Долгом своим почитаю выразить глубочайшую благодарность двум неоценимым друзьям моим: Николаю Сергеевичу Мусатову и инженеру путей сообщения Владимиру Ивановичу Жданову. Первый из них, своим пламенеющим духом вырвав меня из бездны, показал мне путь и заложил первый камень настоящего труда; второй — в продолжение ряда лет разделял со мною все радости и невзгоды искателя Истины, и лишь благодаря его самоотверженному служению нашему общему делу я довел свой труд до конца.

Владимир ШМАКОВ

«Curvari actiones humanas, non ridere, non ludere, neque detestare, sed — intelligere» [\[32\]](#).

Spinosa

II. Краткий очерк литературы о Таро⁵.

Учение герметизма в контексте исторической преемственности

Европейские мистики нашей эры были истинным олицетворением бессилия. Из уст в уста они передавали древние как мир тайны, старательно оберегая их от непрошенных любопытных взоров, наивно и дерзновенно полагая, что сохранение истины и незапятнанность ее грубыми руками невежд может зависеть от их личных действий. Таинственность превратилась для них в забаву; эзотеризм всякой истины, как естественного удела лишь призванной аристократии духа, был понят ими как сокрытие клада от хищников; они сберегли этот клад, но годы пребывания его в земле сделали свое дело, и при извлечении его вновь на свет оказалось, что все истлело. Утаившие клад забыли, что утаить можно лишь от себя самих, и потому стали посмешищами своего рока.

«Религия разделяется на внешнюю и внутреннюю; равно и школы Премудрости разделяются на внешние и внутренние; внешние владеют буквой иероглифов, а внутренние — духом и смыслом; внешняя религия соединяется с внутренней обрядами, внешняя школа мистерий соединяется с внутренней иероглифами. Сыны Истины! Существует лишь Единый Орден, Единое Братство, Единый Союз Единомышленников, цель которых овладеть Светом, и только неразумие воздвигло из этого центра бесчисленное множество орденов. Многочисленность братств зависит от разнообразия иероглифических толкований, согласно времени, нуждам и обстоятельствам; истинное же Собратство Света может быть только Единым. Всякие ошибки, всякие расколы, всякие недоразумения, все, что в религиях и тайных обществах дает повод к стольким заблуждениям, относится исключительно к букве, а дух

остается неприкосновенным и святым. Все это относится к внешнему покрову, на котором написаны иероглифы, церемонии и обряды, и нисколько не касается внутреннего. Наше желание, наша цель, наша обязанность — оживить всюду мертвую букву, всюду придать душу иероглифам, а безжизненным знакам живую истину, всюду сделать бездеятельное деятельным, а мертвое живым. Но все это мы способны совершить не сами по себе, а духом того света, который является Премудростью, Любовью и Светом Мира и который желает стать нашим духом и нашим светом. До сих пор самое внутреннее святилище было отделено от храма, а храм осаждался находящимися в преддверии; наступает время, когда внутреннее святилище должно соединиться с храмом, чтобы находящиеся в храме могли воздействовать на тех, кто в преддверии, пока преддверия не будут отброшены вовне. В нашем тайном святилище все мистерии Духа и Истины сохранились в чистоте и никогда оно не могло быть осквернено профанами или запятнано нечестивыми. Святилище это невидимо, как невидима сила, познаваемая лишь по ее действию. В нашей школе можно всему научиться, ибо здесь Наставник — Сам Свет и Его Дух. Наши науки — это наследие, завещанное избранным — тем, кто открыт Свету, а знание наших наук есть полнота Божественного Союза с сынами человеческими» [1].

В мире нет ничего нового, человеческая цивилизация движется по спирали, и из века в век люди проходят по тем же путям, лишь различно расцветивая их согласно своим индивидуальным особенностям. История, ведомая нам, обнимает лишь крохотную часть истинной полной истории; она не сохранила памяти о бывших блистательных эрах жизни и деятельности человечества, как в мире духа, так и в мире разума. Истина и стремление к ней человека вечны; как реальность, она не может не быть единой; вот почему Высшее Ведение, почерпнутое из затаеннейших областей духа, не может зависеть от внешних условий; незыблемость сущности должна

выливаться в незыблемость в разуме. Учение об истине на пути веков было преемственно, оно пережило не только расу, впервые поднявшуюся до него, но и саму память о ней; из века в век оно хранилось своими служителями, которые суть истинные представители аристократии духа. Запечатленное в символах, оно дошло до нас в древнейшем памятнике мысли человеческой, происхождение которого теряется в тумане веков. Этот памятник есть Священная Книга Тота [2], Великие Арканы Таро.

«Через завесу всех иерархических и мистических аллегорий древних учений, сквозь мрак и причудливые испытания всех Посвящений, за печатью всех Священных Писаний на развалинах Ниневии и Фив, равно как на изъеденных временем камнях древних храмов, на почерневших лицах сфинксов Ассирии и Египта, в чудовищных или чудесных рисунках, переводящих для верующих Индии священные страницы Вед, в странных эмблемах наших старых алхимических книг, в церемониях приема, практиковавшихся всеми таинственными обществами... повсюду мы находим следы Единой Доктрины, повсюду одной и той же, повсюду тщательно скрываемой... Оккультная философия, по-видимому, была кормилицей или крестной матерью всех религий, тайным рычагом всех интеллектуальных сил, ключом ко всем Божественным таинствам и абсолютной властительницей общества в те периоды, когда она была исключительно предназначена для просвещения первосвященников и царей.

Она царила в Персии вместе с магами, которые погибли, как погибают повелители мира, злоупотребившие своим могуществом; она одарила Индию самыми чудесными преданиями и невероятной роскошью поэзии, прелести и ужаса своих эмблем; она просветила Грецию при звуках лиры Орфея; в смелые вычисления Пифагора она вложила конечные принципы всех наук и всех успехов человеческого

духа, она исполнила сказку своими чудесами; история, как только бралась за изучение этого неведомого могущества, сама претворялась в сказку; своими оракулами она потрясала или утверждала империи, заставляла бледнеть тиранов на их тронах и господствовала над всеми умами, маня своей таинственностью или преклоняя их страхом. Для этой науки, говорила толпа, нет ничего невозможного: она повелевает стихиями, знает язык звезд, луна на ее зов падает кровавой с неба, мертвецы встают из своих могил, повторяя замогильный шепот ночного ветра, проносающегося через их черепа. Властительница любви и ненависти, эта наука может доставить по своему желанию рай или ад сердцам людей; она всецело располагает всеми формами и распределяет, как ей угодно, красоту и безобразие; при помощи палочки Цирцеи она превращает также людей в скотов и животных в людей, она располагает даже жизнью и смертью и может доставить своим адептам богатства посредством превращения металлов и бессмертия при помощи своей квинтэссенции и своего эликсира, составленного из золота и света. Вот чем была Магия от Зороастра до Манеса, от Орфея до Аполлония Тианского, до того как позитивное христианство, восторжествовав наконец над прекрасными мечтаниями и грандиозными стремлениями Александрийской Школы, осмелилось публично поразить эту философию своими анафемами и таким образом заставило ее стать еще более скрытой и таинственной, чем когда бы то ни было прежде» [3].

Бесчисленные поколения людей отошли в вечность с тех пор, как человек впервые осознал свое царственное на земле достоинство. Самые имена племен и народов заволоклись постепенно веками и исчезли в их тьме. Всепоглощающее время вычеркнуло навсегда из нашего сознания даже мысль о возможности устремить наш умственный взор в седую древность человечества. Справедливо сказано, что если история человечества длится сутки, то мы едва ли знаем последние пять

секунд. Египет, Китай, Вавилон и Индия — вот пределы, за которые не может проникнуть пытливый взгляд историка. Былины, легенды и мифы освещают еще несколько тысячелетий в глубь веков, — затем все заволакивается непроглядной тьмой. Бесчисленное множество раз, даже за сравнительно ничтожный период известной нам мировой истории, менялись названия народов, иссякала и вновь возникала юная кровь, создавалась культура и вновь разрушалась. Как в калейдоскопе, сменялись поколения людские с их мыслями, надеждой и верой и вновь уходили в область забвенья. Ничто не оставалось неподвижным, все варьировалось, все изменялось. Волны людские смывали, растворяли в себе, а подчас и совсем уничтожали предшествовавшие цивилизации, катились неудержимо, слабели и затухали. Ничто не вечно, все проходит, все забывается.

Бурное море своими волнами, вечно кипящими, гордыми и могучими, неустанно меняет лик земли: скалы рассыпаются в песок, безмолвно лежащий на дне, горные вершины исчезают в пучине. Но и само могучее море иногда встречает отпор в своем неудержимом стремлении. Вот встречает оно могучую грудь вулкана; с ревом несутся бешеные волны, гибнет все вокруг, самые скалы — подошвы гиганта — колеблются; кажется, еще немного — и наступит его неизбежная гибель. Но вот, как бы проснувшись, вздохнет своей грудью вулкан, и из недр его поднимутся волны лавы, — и снова он делается грозным и непреодолимым. А между тем море вокруг продолжает свою работу; новые и новые земли захватывает оно, и через несколько тысячелетий вся страна опускается на дно морское; один вулкан остается недвижим и все растет. Забудется имя страны, с недоумением будет встречать мореплаватель гиганта, но если он будет достаточно пытлив, смел и настойчив, то в слоях пепла он найдет остатки былых времен и сможет постичь историю злосчастной страны.

Так среди бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минувшего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу

противостоять всему — мы не знаем, и вероятно, знать не будем. Но его древность, древность баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, если кроме самой древности его жизни в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь?! — Этот Памятник нам, европейцам, известен под именем Священной Книги Тота — Великих Арканов Таро.

Многие десятки веков тому назад царствующая ныне на земле белая раса получила от своей предшественницы это великое наследие, этот великий синтез знания человека и доступного его гению Божественного Откровения. Она по достоинству оценила его, и этот Памятник Божественной Мудрости лег в основу всех Посвящений как сама их сущность. Эта великая основа проявляется в каждой религии постольку, поскольку та возвышается над дифференциальными частностями, возносится над условиями быта и времени исповедующего ее народа и выявляет из своего существа отблеск абсолютного учения о вечной истине.

«Все религии сохранили память о первой единственной книге, написанной иероглифами мудрецами первых веков мира, символы которой, будучи впоследствии упрощены и вульгаризированы, послужили Писанию буквами, Слову — категориями, а оккультной философии — ее таинственными знаками» [4].

«Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое Слово. То, что вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть, есть результат количеств и равновесия. Ключ потаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное Слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа

и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские. ... Древность этой книги теряется в ночи времен. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах, которые раньше были сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов... она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старая с бегом веков, она тем не менее сохранилась — благодаря невежеству любопытных — без изменений в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях».

Эти строки о Таро цитирует с какого-то манускрипта Священной Книги Еноха Е. П. Блаватская в своей «Тайной Доктрине». Относительно замечания об индийском происхождении Таро Блаватская пишет следующее:

«Говорят, что Таро «индийского происхождения», потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы-Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древний, и его след надо искать не здесь, а в Гималаях [5] — в Снежных Цепях. Оно родилось в таинственной области, определить местонахождение которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, — области, в которой Браман поместил Свою *Kailasa*, гору Меру и *Parvati Pami*, извращенный греками в Парапамиз» [6].

Истина одна, но к ней можно подходить различными путями, и мы, естественно, должны выбрать путь наиболее доступный. В наиболее чистой форме Божественная Доктрина, вложенная в Великие Арканы, покоится в том Посвящении, истоки которого восходят к стране Иерофантов⁶. Именно здесь Арканы были выражены с наибольшей отчетливостью сознания

их величия, они были действительной основой всей религии, в то время как в других странах они были сокрыты покрывалом эзотеризма. Вместе с тем учение священной страны Кеми — древнего Египта — само по себе более доступно нашему испытующему духу, ибо вся европейская культура развивалась под его влиянием, чрез посредство семитического Откровения, легшего в основу иудейской, а затем христианской религии, и чрез мистицизм оккультных течений Запада, которые источником всех знаний открыто почитали учение Гермеса Трисмегиста, Великого Посвященного, Основоположника египетской науки и просвещения.

С нашествием Камбиза великолепие Египта отошло в область предания. Несколько месяцев подряд победоносное войско тем только и занималось, что, раскалив сначала при помощи костров пилоны и статуи, обелиски и барельефы, вековые творения гения египетского, затем поливало их холодной водой, чтобы добиться их разрушения на такие осколки, которые затем, будучи развезены в разные стороны, можно было без особых усилий бесследно уничтожить. Во всей долине Нила не осталось ни одного храма, ни одного памятника, которого бы не коснулась рука этого непреклонного исполнителя воли судеб.

Несмотря на все их усилия, победители разрушили только то, что могло быть разрушено. Деяния рук человеческих погибли, но дух древних Иерофантов продолжал жить, таясь в недоступных убежищах. С воцарением Птолемеев Египет еще раз явил миру свое древнюю мощь, и чудо света — Александрийский маяк, как издревле сфинкс, стал эмблемой страны вечного стремления, блистающим светом своим озарявшей весь мир на пути стольких столетий. Но пришел час, предначертанный судьбой, и наступил конец всему. Среди диких воплей черни и исступленных криков фанатиков, выдававших себя за избранных служителей Бога-Света, пал древний Серапис, оплот египетской мудрости. Теон и Ипатия кровью своей запечатлели беззаветную преданность знанию

на ступенях александрийского храма Мудрости, ставшего затем добычей фанатичных орд Омара и епископа Феофана [7].

Полгода горели на площадях костры и топились бани сотнями тысяч папирусов, повествовавших о минувшей жизни людей, их стремлениях, их знаниях и их открытиях. Светивший тысячелетия свет из древней священной страны померк; Египет, его всемирная слава, его величие и безмерное знание погрузились в область забвения, ушли туда, откуда уже нет возврата.

Истина и стремление к ней человека вечны; нет в мире и быть не может такой силы, которой удалось бы их уничтожить; если бы даже весь мир погиб и в наступившей Кали-Юге остался лишь один человек, то и тогда Истина продолжала бы кротко сиять в его сердце, а дух его продолжал бы пламенно стремиться к ней. Погиб весь блеск Египта, погибли храмы, погиб оплот мудрых, живших устремлением за пределы жизни земной, — но наука о Вечной Истине погибнуть не могла, она бессмертна, и волны людского безумия не могли ее поколебать! В ослеплении объявляя войну Небу, человек этим лишь сам изгоняет себя из его пределов; Абсолютное и Вечное непрестанно озаряет все вокруг Себя, — слабая воля людская ни на йоту не может ослабить или изменить Его Бытие и Свет; в ее власти — лишь степень восприимчивости самого человека. Когда дух его чист и ясен, он может невозбранно приближаться к Свету, и Истина предстает перед ним в неопишемом великолепии Своей Первородной Чистоты. В годину падения, когда помутившийся или еще спящий разум оказывается не в силах сдерживать беснование страстей, человек теряется в их сатанинском хаосе и сам сковывает себя по рукам и ногам. Светлый лик Изида, все в Себе объемлющий, отражает тогда для его взора лишь свистопляску его безумств и мучений во всем их воинствующем хаосе. Видя это и чувствуя справедливость внутреннего самоосуждения, человек с еще большим неистовством бросается в бездну, в нелепой надежде найти себе этим покой. Первые века христианской эры — это, с одной стороны,

повальное восстание рабов, а с другой — появление на арене мира варварских полудиких народов. Античный мир быстро склонялся к закату, а с ним уходили и его боги, его наука и его тайны. Внешним образом — все погибло, но в действительности эта катастрофа была только кажущейся. На лик Изиды, Богини Истины, спустилась вуаль еще более непроницаемая, чем когда бы то ни было прежде. Открыто проповедуемое знание укрылось в символах, легендах и мифах, и, уйдя таким образом от взоров толпы, оно пережило гордое царство фараонов и распространилось по всему миру.

«Одежды Истины меняются, но сама Богиня и Ее Дух непоколебимы и вечно испускают лучи под временными изменениями буквы» [8].

Прошло лишь несколько десятков лет, и дети полчищ Омара создали великолепный Арабский Халифат. Гарун-аль-Рашид, Ибн-Юнис, Насреддин, Табита-бен-Кара и Сулейман стали все силы свои устремлять к тому, чтобы восстановить величие Александрийской науки. С победой Тарика мусульманские владения стали надвигаться и на Европу; хотя Карл Мартелл при Пуатье и положил предел их политическому распространению, все же веяние арабского гения проникало далеко, и странствующие философы, алхимики и астрологи распространяли обрывки знаний повсюду, пока лютое подавление движения альбигойцев не заставило ищущих Правды начать скрывать свои стремления непроницаемым покровом тайны.

Герольды и трубадуры, странствующие рыцари и монахи нищенствующих орденов разносили отзвуки эзотерического мистицизма повсюду, — от турниров гордых вассалов до скромных жилищ простого народа. Иерусалимские войны еще более укрепили связь с сарацинами, и если на западе Крест восторжествовал над Полумесяцем, то на востоке мистические искания повергли в прах даже пламенный фанатизм крестоносцев. На острове Мальта, в продолжение веков, Рыцари